

© 1995 г. З.К. ТАРЛАНОВ

О СИНТАКСИЧЕСКИХ ГРАНИЦАХ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: К СПОРАМ ВОКРУГ ИЗВЕСТНОГО

О сложном предложении вообще и в русском языке в частности существует, как известно, обширная научная литература. Не раз она была предметом основательных историко-критических обзоров, выполненных применительно к синтаксическому материалу соответствующих языков, а также общего языкознания. Это обстоятельство избавляет от необходимости предложить еще один обзор литературы по той же самой теме. Важно отметить другое: количество научной литературы по тем или иным проблемам и решение самих этих проблем далеко не всегда обнаруживают закономерную связь. И это неопровержимо подтверждается историей языкознания. Сложное предложение и относится к тем языковым феноменам, исследование которых чаще всего сводилось преимущественно к описанию материала (сфер) их функционирования, но отнюдь не всегда к теоретическому осмыслению их собственной природы с учетом их места в языковой системе, а также характера соотносительности со смежными явлениями. Тот факт, что традиционно и в течение длительного времени сложное предложение рассматривали как сочетание, соединение, сложение простых предложений, практически лишил смысла вопрос о его собственной природе¹: коль скоро простые предложения, складываясь друг с другом, самым актом соединения, создают сложное предложение, в котором все предопределяется его составляющими, то эти составляющие вполне естественно оказывались в центре исследовательского внимания.

Если вопросы, относящиеся к генезису сложного предложения в русском языке, были результативно поставлены уже в XIX в., прежде всего в работах А.А. Потехина [2, с. 252–256 и др.], то специальные исследования, касающиеся синтаксического статуса сложного предложения в целом, его парадигматики появляются, в основном, начиная с первой четверти XX в. Имеются в виду прежде всего статья А.М. Пешковского "Существует ли в русском языке сочинение и подчинение?" (1926) [3], в которой, как известно, были убедительно и аргументированно продемонстрированы как сущность сочинения и подчинения в строе предложения, так и разделяющие их кардинальные различия; статьи Н.С. Поспелова [4, с. 321–337; 5], И.А. Поповой [6, с. 335–396] и др. Идеи, высказанные в этих работах, получили заслуженно широкое распространение в последующем русском языкознании. Смысл их сводился к доказательству того, что 1) сложное предложение представляет собой целостную и самостоятельную единицу синтаксиса; 2) составляющие его компоненты – это не автономные простые предложения, механически соединенные в рамках большего синтаксического целого, а части сложной структуры, во многом формально-типологически соотносительные с простым предложением, но превосходящие его по конструктивным возможностям: предикативно организованные части сложного предложения перекрывают структурные типы простых предложений; 3) парадигматически сложные предложения делятся на сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные; сложносочиненные и сложноподчиненные, включая относительное подчинение, против-

¹ Подобные подходы не изжиты и поныне [см., например, 1, с. 45].

поставлены друг другу прежде всего по союзным средствам, их месту внутри сложного целого; те и другие – бессоюзным сложным предложениям (по отрицательному признаку, настолько же убедительному, насколько приемлемо, например, общепринятое понятие "нулевой морфемы"); 4) сложное предложение должно быть отграничено от так называемого "слитного предложения" [7, с. 443–454].

Эти идеи не только не опровергались, но стали неотъемлемой частью науки о русском языке, равно как и содержания школьного и вузовского преподавания – реального прикладного аспекта лингвистических исследований, который едва ли правомерно сбрасывать со счетов при оценке соответствующих научных результатов [см. 8, с. 5–10; 9, с. 130–138; 10, с. 57–58 и др.].

Несколько особую позицию в решении упомянутых вопросов заняла "Русская грамматика" [11], как бы подводящая итог – в силу ее фундаментального характера – описанию и интерпретации важнейших синтаксических категорий современного русского языка. Однако эта особая позиция осталась почти не замеченной, хотя и заслуживала более основательного и серьезного обсуждения прежде всего с двух точек зрения: а) с точки зрения обоснованности отказа от тех решений, которые были предложены в предшествующей русской синтаксической традиции, б) с точки зрения обоснованности и адекватности новых решений. В связи с этим, а также с учетом важности и нерешенности проблем, являющихся принципиальными для синтаксиса русского языка в целом, равно как и для синтаксической типологии, считаю необходимым вернуться к их рассмотрению, выдвинув следующие вопросы:

1. Действительно ли нет в современном русском языке бессоюзного сложного предложения, парадигматически соотнесенного со сложносочиненным и сложноподчиненным предложениями, как это утверждается в "Русской грамматике"?

Традиционный и вполне аргументированный ответ на поставленный вопрос сводился к тому, что бессоюзное сложное предложение образует особый тип сложного предложения, противопоставленный сложносочиненному и сложноподчиненному формально и семантически: оно лишено специализированных средств выражения синтаксических отношений и поэтому потенциально многозначно [5; 12, с. 37–50; 13, с. 78–130; 14, с. 70–75; и др.], что также является одним из его существенных функционально-синтаксических признаков.

"Русская грамматика", отвергнув указанную интерпретацию бессоюзного сложного предложения и его места среди других типов сложных предложений, предлагает свой вариант решения проблемы, который сводится к следующей декларации: "В качестве третьего вида связи в сложном предложении нередко выделяется связь бессоюзная. Однако за исключением одного частного случая, когда отношения между бессоюзно соединившимися предложениями (условные) выражаются вполне определенным соотношением форм сказуемых (*Не пригласи я его, он обидится; Окажись рядом настоящим друг, беды бы не случилось...*), бессоюзие не является грамматической связью" [11, с. 465]. Приведенные в цитате примеры и их аналоги, согласно авторам "Русской грамматики", реализуют "один из видов условного значения" посредством "форм синтаксического условного наклонения" и поэтому "обладают признаками сложного предложения как синтаксической единицы" [11, с. 634–635]. Что же касается остальных конструкций, обычно квалифицируемых как бессоюзные сложные предложения, то к ним термин "сложное предложение" неприменим [11, с. 635].

Однако подобное решение проблемы, будучи лишенным системно-исторического начала, не просто возрождает старый принцип "атомарного", изолированного рассмотрения языковых фактов, а знаменует собою переход в область алогизмов. Имеются в виду прежде всего следующие моменты.

Во-первых. Если при квалификации сложносочиненных и сложноподчиненных предложений конституирующая роль в конечном счете отводится союзам и их синтаксическим эквивалентам (при всех оговорках такое понимание является практически общепринятым), то по логике вещей отсутствие союзов между конструкциями, составляющими сложное высказывание, свидетельствует лишь о том, что подобные конст-

рукции могут соединяться в коммуникативно значимую и грамматически оформленную единицу и без помощи союзов, ибо сложное предложение как таковое ни по своей сути, ни генетически не обнаруживает детерминированной привязанности исключительно к союзным средствам. К тому же справедливо отмечалось, что "в бессоюзных сложных предложениях связь частей и синтаксическая цельность всего сложного единства выражается ритмомелодическими средствами и соотносительностью строения их основных конструктивных единств" [15, с. 427], а также собственной специфической формой [16, с. 35–43]. Следовательно, вопрос о бессоюзном сложном предложении в его парадигматической соотнесенности с сложносочиненными и сложноподчиненными предложениями должен решаться на основе нулевого показателя (нулевого средства связи), являющегося значимым в ряду членов парадигмы, составляющей сложное предложение. Это так же корректно и убедительно, как, например, квалификация словоформ типа *стол, дом, портрет* как форм им. пад. ед. числа.

Во-вторых. Отлучение основной массы бессоюзных сложных предложений от синтаксиса сложного предложения, как это предлагается в "Русской грамматике", создает парадоксально-тупиковую ситуацию и в диахроническом плане. Известно (и это доказано многочисленными исследованиями), что бессоюзное предложение было генетически первичным среди сложных. Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения формируются позже, по мере становления и выделения в особый класс слов, специализировавшихся именно как средства связи [см., например, 17, с. 146–147]. Эти средства в конечном счете и стали конституирующими компонентами соответствующих типов сложных конструкций. Бессоюзные же предложения, послужив генетической базой для сложносочиненных и сложноподчиненных, сами не исчезают с момента складывания последних – такова логика синтаксических изменений вообще [18, с. 65–68], но, наоборот, получают дальнейшее развитие и совершенствуются как одно из выразительнейших средств синтаксического строя русского национального языка во всех его разновидностях [19, с. 46–59; 20, с. 383–401; 14, с. 75–121; 16, с. 115–165]. Немотивированный отказ от включения бессоюзных сложных предложений в число сложных предложений неизбежно ведет к следующему шагу, который должен означать либо кардинальный пересмотр всего процесса формирования сложных предложений в истории языка, либо же констатацию, что бессоюзные сложные предложения, дав жизнь сложносочиненным и сложноподчиненным, сами, за редким исключением, сходят с исторической сцены. Однако этого следующего шага "Русская грамматика" не делает.

В-третьих. Если вслед за "Русской грамматикой" бессоюзными сложными предложениями считать только те конструкции, в которых предикатами выступают формы наклонений в переносных значениях (*Не пригласи я его, он обидится*), предварительно надо доказать другой тезис, что формы наклонений в прямых и переносных значениях обладают принципиально разными конструктивными возможностями и даже могут конституировать сами типы предложений. Но едва ли это может быть убедительно доказано, в особенности применительно к современному русскому языку. Дело в том, что в русском языке, по крайней мере, с XVI в., если не раньше, отчетливо проявилась, как известно, тенденция к развитию именных типов предложения, свободных от организующего начала глагольных форм. В этом отношении он заметно удалился не только от родственных языков, но и от собственного прошлого. Возьмем ряд элементарных конструкций: 1) русск. *Книга – здесь*; 2) нем. *Das Buch ist hier*; 3) англ. *The book is here*; 4) лезг. *Ктаб ина ава*; 5) и соответствующая арабская конструкция. В этом ряду первый и последний случаи типологически едины и противопоставляются остальным именно тем, что не требуют присутствия глагольной формы, хотя она может быть использована, но скорее – как отклонение от нормы. Следовательно, в современном русском языке, как и в некоторых других языках, существуют типы предложений, вполне обходящиеся и без глагола. Если это так и если простое предложение и часть сложного связаны между собой естественным изоморфизмом, то очевидно, что нет оснований привязывать целый класс сложных предложений к тем

или иным формам наклонений, употребляемым в редких для них функциях. Типологический характер предлагаемого аргумента не может препятствовать его использованию при решении рассматриваемого здесь вопроса.

Из сказанного следует, что бессоюзное сложное предложение – это равноценный член парадигмы сложных предложений в современном русском языке, характеризующийся собственными объективными структурно-семантическими параметрами, собственной историей и функциональными возможностями, которые не могут быть игнорируемы в любой синтаксической концепции, если она ориентирована на языковую действительность.

2. Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, традиционно разграничивавшиеся на основе интуиции, А.М. Пешковским, как известно, впервые были поставлены на основательную теоретическую базу в уже названной выше статье. Здесь нельзя не упомянуть некоторые общеизвестные истины. Пешковский убедительно доказал, что за синтаксическими понятиями "сочинение" и "подчинение" стоят такие связи, которые могут быть определены формально-грамматически. Сочинение и подчинение охватывают как сложное, так и простое предложения, и "разницы между связями внутри простого предложения и связями между предложениями здесь по существу нет" [3, с. 137]. Внешне эти два типа связей в сложном предложении выражаются союзами, которые соответственно называются сочинительными и подчинительными. К сочинительным относятся союзы, "употребляющиеся в слитном предложении" (т.е. в предложении с однородными членами), а к подчинительным – "все остальные" [3, с. 140]. Функционально-синтаксическая специфика сочинительных союзов заключается в том, что они как "показатели отношения стоят или при каждом из соотносящихся (в части случаев соединительного и разделительного сочинения), или между соотносящимися, не сливаясь внутренне ни с одним из них. Последнее доказывается и здесь возможностью перестановки при сохранении на прежнем месте союза" [3, с. 140], ср.: *Язык мой немеет, и взор мой угас* (А. Толстой) – *Взор мой угас, и язык мой немеет*; ... *руки тряслись от волнения, и усталые ноги спотыкались* (Л. Толстой) – *Усталые ноги спотыкались, и руки тряслись от волнения*. В отличие от сочинения "при подчинении ... перестановка с сохранением союза на прежнем месте (т.е. в сущности отрыв предложения от его союза) и с сохранением того же отношения между мыслями никогда и ни при каких условиях не возможна. Это и является решающим моментом" [3, с. 141]. Следовательно, по существу сочинительные союзы представляют обратимые отношения, а подчинительные – необратимые.

Эти изящные и блистательные мысли А.М. Пешковского получили заслуженно широкое распространение и по праву знаменует собой одно из лучших достижений русской синтаксической науки XX в., ибо они подводят под важнейшие для синтаксиса понятия материальный (формальный) фундамент.

"Русская грамматика" предпринимает попытку пересмотреть решения, предложенные Пешковским, выдвинув при этом тот аргумент, что "из поля зрения Пешковского совершенно выпала обширная область относительной подчинительной связи и смежных с ней (исторически и функционально) способов союзного подчинения, допускающих перестановку главного и придаточного предложений относительно друг друга с сохранением показателя отношений на прежнем месте" [11, с. 462; см. также 16, с. 15–17]. Однако подобного рода контраргументы бьют мимо цели по следующим причинам: а) неясно, что имеется в виду под смежными с относительной связью "способами союзного подчинения" (иллюстративным материалом эти способы не снабжены); б) Пешковский сознательно обходил относительное подчинение потому, что в нем средствами связи выступают "полные", по выражению Ф.Ф. Фортунатова [21, с. 155] слова, выполняющие союзные функции, а его интересуют собственно подчинительные союзы; вопрос же об относительных словах в сложном предложении должен решаться по аналогии с "эталонными" средствами оформления подчинительной связи – подчинительными союзами; в) наконец, самое главное: сочинительный союз

как средство связи сложносочиненного предложения всегда остается на стыке составляющих его частей, между ними, в то время как подчинительный союз функционирует лишь в составе, внутри придаточной части, но не может стоять между главной и придаточной частями сложноподчиненного предложения; поэтому то, что авторы "Русской грамматики" называют перестановкой частей сложноподчиненного предложения, в действительности является обычной трансформацией: главное предложение превращается в придаточное, а придаточное – в главное, не говоря об изменениях, которым подвергаются грамматические формы исходной конструкции. Ср.: *Комната, в которую мы вошли, была залита светом. – Мы вошли в комнату, которая была залита светом.* Нельзя не заметить, что сама возможность инкорпорирования одной части сложного предложения в другую уже свидетельствует об их синтаксической неравноценности, исключающей перестановку с сохранением прежних функционально-синтаксических взаимоотношений между ними, а также форм, заполняющих синтаксические позиции в каждой из них. Совсем по-другому обстоит дело в сложносочиненном предложении, в котором в ходе перестановки составляющих его частей формально ничего в них не меняется (см. примеры выше). Тот факт, что подчинительный союз входит в придаточную часть даже тогда, когда он располагается как бы на стыке между главной и подчиненной конструкциями сложноподчиненного предложения, подтверждается и типологически: во многих языках показатель подчинения дислоцируется при глаголе в придаточной части в виде специализированного форманта [22]. С учетом этих данных нет оснований относить к сочинительным союзам и формы с пояснительной (*то есть*) и уточнительной (*а именно*) функциями [14, с. 10; ср. 23, с. 134–135; 14, с. 616].

3. Сложное предложение в целом отчетливо противостоит "слитному" предложению, или предложению с однородными членами, как синтаксические единицы разных подуровней, хотя и близких друг к другу по ряду признаков, прежде всего семантических. Их разграничение стало устойчивой синтаксической традицией, способствующей адекватному описанию способов и средств языкового оформления мысли. Тем не менее отдельные вопросы, относящиеся к синтаксису предложения с однородными членами, решаются по-разному. И в зависимости от этого границы между предложением с однородными членами и сложным предложением нередко оказываются размытыми. Речь идет, главным образом, о двусоставных предложениях с несколькими сказуемыми и односоставных предложениях с несколькими главными членами в их отношении к сложным.

Как известно, в течение длительного времени в синтаксисе логико-грамматического толка господствовала точка зрения, согласно которой "вся сила суждения содержится в сказуемом, без сказуемого не может быть суждения", а следовательно, и предложения [24, с. 258]. Отсюда вполне естественно вытекал и тот вывод, что предложение, в котором два или более сказуемых, – это сложное предложение. Однако концепция, усматривавшая параллелизм между логикой и грамматикой и пытавшаяся объяснить все синтаксическое, опираясь на логические категории, была подвергнута обоснованной критике в последующем языкознании, в особенности в работах А.А. Потебни [25, с. 60–70]. В конце концов с появлением учения об односоставных и двусоставных предложениях, последовательно изложенного в "Синтаксисе русского языка" А.А. Шахматова общепринятым в русском языкознании становится тезис о подлежащем и сказуемом как соотносительных членах предложения: если нет подлежащего, то не может быть и сказуемого, и наоборот. Что же касается односоставных предложений, то в них грамматическое ядро составляет главный член, не являющийся ни подлежащим, ни сказуемым.

Однородность как синтаксическая категория охватывает все члены предложения, как второстепенные, так и главные. Смысл ее, как известно, состоит в том, что два члена предложения считаются функционально тождественными, если они одинаково относятся к третьему члену (или третьей форме) [7, с. 443; 27, с. 89–91]. Сказуемое в этом отношении не составляет исключения. Очевидно, например, что в высказывании

Я простился и пошел домой (А. Чехов, Дом с мезонином) сказуемые однородны, поскольку функционально тождественны по отношению к подлежащему (третьему члену).

Позиция "Русской грамматики" отлична и в этом плане. Так, в ней читаем: «В "Русской грамматике" предложения с несколькими сказуемыми при одном подлежащем рассматриваются как сложные. Формально такие предложения могут считаться сложными в силу того, что в них неоднократно выражаются значения времени и наклонения. Соответственно и в семантическом плане они могут быть интерпретированы как сообщения о нескольких ситуациях – одновременных или следующих друг за другом, – характеризующихся единством (общностью) субъекта» [11, с. 462]. Такой подход, стало быть, предписывает интерпретировать приведенную выше конструкцию (*Я простился и пошел домой*) как сложносочиненное предложение с неполной второй частью, допускающее разложение на предполагаемые составляющие: **Я простился* и **Я пошел домой*. Самым резонным аргументом против подобного толкования было бы возражение: так обычно не говорят. Поскольку такое возражение может быть воспринято как недостаточно "грамматичное", обратимся к рассмотрению аргументов "Русской грамматики": а) "неоднократное выражение значения времени и наклонения" в рамках одного и того же предложения. Однако принятие такого аргумента неизбежно ведет к утверждению, что конструкция *Противишись, я пошел домой* – тоже сложное предложение, ибо в ней значения времени и наклонения выражены столько же раз, сколько и в предложении *Я простился и пошел домой*. С другой стороны, как же быть с конструкциями типа *А по-моему, современный театр – это рутина, предрассудок* (А. Чехов, Чайка), в которых трудно отыскать формальные показатели повторяемости значений времени и наклонения? б) Предложения с несколькими сказуемыми содержат "сообщения о нескольких ситуациях". Но ведь то же самое справедливо – может быть, даже в большей степени – и по отношению к предложениям с однородными подлежащими, например: *Жара и засуха стояли более трех недель* (Л. Толстой, Война и мир). Такие конструкции легче, чем предложения с несколькими сказуемыми, поддаются и разложению на предполагаемые составляющие, ср.: **Жара стояла более трех недель* и **Засуха стояла более трех недель*.

При подобном искусственном, умозрительном расчленении высказывания вовсе отброшенным оказывается фундаментальное свойство языка – быть универсально гибким и совершенным средством выражения мысли. А эта гибкость реализуется, в частности, в разнообразии исторически сложившихся синтаксических структур, представляющих одну и ту же ситуацию то компактно, то развернуто, то энергично, то вяло и статично и т.д. Тем самым внеязыковое содержание, воплощаясь в определенных типах синтаксических структур, неизбежно подвергается осложнению, модификации, субъективизации в соответствии с возможностями того или иного языка. Из этого очевидного факта неопровержимо следует тот неоднократно подтверждавшийся на материале разных языков вывод, что языковое содержание не сводится лишь к отражению внеязыковой действительности, но включает в себя и те "смыслы", которые, складываясь исторически и закрепляясь в грамматическом строе, определяют направления этнолингвистического взгляда на мир. Не считаться с этим значит сознательно воздвигать преграды на пути к познанию содержательного назначения грамматических форм и категорий. Одна и та же пропозиция может быть представлена в разных синтаксических модусах, которые, будучи актуально противопоставленными друг другу по их содержательной сути, образуют базу, арсенал синтаксических средств языка. Попытки свести эти средства к какому-то общему знаменателю на том основании, что они допускают отнесение к предполагаемому единому внеязыковому субстрату, не имеют ничего общего с поисками подходов к адекватной систематизации и интерпретации самих этих средств как синтаксических данностей, хотя подобные попытки могут оказаться вполне уместными при решении других задач. Отсюда следует, что, обсуждая вопрос о предложении с несколькими

сказуемыми и сложном предложении, синтаксист не вправе ограничиваться констатацией сводимости их к одному и тому же внеязыковому субстрату (пропозиции, суждению и т.д.), ибо это достаточно тривиально и едва ли заключает в себе собственно синтаксический смысл. Задача синтаксиста – объяснить, благодаря чему предложение с несколькими сказуемыми и сложное предложение оказываются противопоставленными друг другу, способными представлять разные модусы в процессе использования языка. Что они действительно представляют дифференцированные модусы, подтверждается, помимо обычной речевой практики, например, тем, что традиционные жанры русской словесности (жанры фольклора) обнаруживают очевидную "согласованность" с наличными в языке типами синтаксических структур, т.е. фольклорной традиции как содержательной константе соответствует языковая (синтаксическая) традиция как формально-содержательная константа [26].

Решая вопрос о синтаксическом статусе предложения с однородными сказуемыми и сложного предложения, нельзя не принимать во внимание тех глубоких семантических различий, которые заложены в них потенциально, что сказывается и на степени автономности их предикатов: предикаты сложного предложения всегда автономны по отношению друг к другу и по этой причине служат целям развертывания высказывания, в то время как в простом предложении в функции однородных членов они явно тяготеют к синонимической цепочке, если даже и не выражены лексическими синонимами, тем самым вступая между собою в отношения взаимного уточнения, конкретизации, пояснения и т.д., ср.: *Франц проглотил последний кусок, поерзал, прикрыл глаза* (В. Набоков, Король. Дама. Валет.). В приведенном высказывании сказуемые представляют не столько отдельные действия как таковые, сколько неотчетливыми штрихами характеризуют предмет описания, являющийся субъектом предложения. Все они объединены вокруг семантического инварианта, репрезентируемого каждым из них по-своему, в соответствии с их конкретным лексическим наполнением. Что дело обстоит именно так, отчетливее видно на следующем примере: *Марта и за нею муж двинулись мимо него, вышли* (В. Набоков, Король. Дама, Валет.). Здесь перед нами – опять же однородные сказуемые, внутреннее взаимно детерминируемые друг другом в рамках речевого контекста: первое сказуемое обозначает движение без направления, второе – направленное движение. Каждое из них, будучи употребленным по отдельности при том же составе непредикативных слов, нуждается в дополнительных комментариях, а высказывание в целом при его, казалось бы, грамматической завершенности, обнаруживает очевидную семантическую и синтаксическую ущербность, ср.: *Марта и за нею муж двинулись мимо него; Марта и за нею муж вышли*. При подобной диспозиции компонентов исходного высказывания после каждого из новых высказываний напрашиваются вопросы типа откуда? куда? почему? когда? и под., не говоря об их неестественной "рублености". Те же предикаты, употребленные как однородные сказуемые, подчиняясь нормам контекстуальной синонимической цепочки, создают законченное высказывание, соответствующее синтаксической структуре, отличной от сложного предложения. Отсюда следует, что предложение с однородными сказуемыми и сложное предложение – это единицы разных, хотя и близких, синтаксических уровней и что сказуемое при всей его конструктивной важности само по себе не является достаточным материалом для конструирования законченного предложения. Следовательно, нет оснований ставить знак равенства между понятиями "сказуемое" и "предложение", как это делается некоторыми синтаксистами.

Таким образом, сказанное позволяет думать, что предложения с однородными сказуемыми не могут быть причислены к сложным. Это единицы разных синтаксических подуровней, характеризующихся своими специфическими структурными и семантическими свойствами. Объединение их под одним терминологическим обозначением "сложное предложение" не оправдано методологически и не соответствует практике использования их в речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Распопов И.П.* Дихотомическая классификация так называемых сложноподчиненных предложений // Ф.Н. 1979. № 6.
2. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
3. *Пешковский А.М.* Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений // Пешковский А.М. Избр. труды. М., 1959.
4. *Поспелов Н.С.* О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
5. *Поспелов Н.С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
6. *Попова И.А.* Сложносочиненное предложение в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
7. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
8. *Демиденко Л.П., Козырев И.С., Козырева Т.Г.* Современный русский язык. Бессоюзное сложное предложение. Сложные синтаксические конструкции. Сложное синтаксическое целое. Прямая и косвенная речь. Пунктуация. Минск, 1978.
9. *Скобликова Е.С.* Очерки по теории словосочетания и предложения. Саратов, 1990.
10. *Уханов Г.П.* Конструктивные функции синтаксических связей в сложных предложениях // Сложное предложение в конструктивно-семантическом плане. Калинин, 1984.
11. *Русская грамматика. Т. II. Синтаксис.* М., 1980.
12. *Коротяева Э.И.* К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке // Уч. зап. ЛГУ: Сер. филол. наук. Вып. 14. Л., 1949.
13. *Иванчикова Е.А.* Соотносительное употребление форм будущего времени глагола в составе частей бессоюзного сложного предложения // Исследования по синтаксису русского литературного языка. М., 1956.
14. *Тарланов З.К.* Очерки по синтаксису русских пословиц. Л., 1982.
15. *Виноградов В.В.* Основные вопросы синтаксиса предложения (На материале русского языка) // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
16. *Ширяев Е.Н.* Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
17. *Бирнбаум Х.* Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
18. *Тарланов З.К.* О предмете исторического синтаксиса русского языка (К постановке проблемы) // Вестник ЛГУ. 1983. № 2.
19. *Шаниро А.Б.* Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.
20. *Грамматика русского языка. Т. II, Ч. 2.* М., 1960.
21. *Фортунов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. I. М., 1956.
22. *Тарланов З.К.* О термине "предложение" (К вопросу о формальных соотношениях между предложением и предикативным единством в составе сложного целого) // Вопросы филологии. Сб. трудов: К 70-летию со дня рождения проф. А.Н. Стеценко. М., 1974.
23. *Белошапкина В.А.* Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
24. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М., 1958.
25. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I-III, Харьков, 1889.
26. *Тарланов З.К.* Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1981.
27. *Тарланов З.К.* Разграничение односоставных предложений с однородными главными членами и сложных предложений // РЯШ. 1968. № 2.